

Переводы

Ограничения наблюдения: Луман и проблема парадоксов в познании

Илья Е. САПАН

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва,
Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-8300-1679

«Правда жизни открывается нам именно в форме парадоксов».

Оскар Уайльд [Уайльд 2015: 22]

*«Абсурдность вещи — еще не довод против ее существования, а, скорее, его
условие».*

Фридрих Ницше [Ницше 2011: 297]

185

Рекомендация для цитирования:
Сапан И. Е. (2024) Ограничения
наблюдения: Луман и проблема
парадоксов в познании. *Социология
власти*, 36 (4): 185-190
[https://doi.org/10.22394/2074-0492-
2024-4-185-190](https://doi.org/10.22394/2074-0492-2024-4-185-190)

For citation:
Sapan I. E. (2024) Limitations of
Observation: Luhmann and the
Problem of Paradoxes in Cognition.
Sociology of Power, 36 (4): 185-190
[https://doi.org/10.22394/2074-0492-
2024-4-185-190](https://doi.org/10.22394/2074-0492-2024-4-185-190)

Поступила в редакцию: 04.10.2024;
принята в печать: 16.11.2024
Received: 04.10.2024; Accepted:
16.11.2024

© 2024 by the author.
This article is an open access article
distributed under the terms and
conditions of the Creative Commons
Attribution (CC BY) license ([https://
creativecommons.org/licenses/
by/4.0/](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)).

Концепция «Sthenographie» Никласа Лумана представляет собой один из важных элементов его системной теории, исследующих процессы наблюдения и структурных ограничений в условиях парадоксов и неопределенности. Впервые опубликованная в 1987 году в *Bielefelder Universitätszeitung*, эта идея прошла несколько этапов доработки, включая расширенные версии в журнале *Delfin* (1988), коллективном труде «*Beobachter. Konvergenz der Erkenntnistheorien?*» (1990) и сборнике «*Paradoxien, Dissonanzen, Zusammenbrüche*» (1991), который был издан под редакцией Х. Гумбрехта и К. Пфайффера. Последний вариант, дополненный концепцией «эвриалистики», представляет заверченный взгляд Лумана на тему в контексте эпистемологических парадоксов.

«Sthenographie» была интегрирована в широкий междисциплинарный дискурс и переведена на несколько языков (английский

(1990), итальянский (1992), испанский (2015)). Сегодня эта концепция остается важным инструментом для анализа самонаблюдающих систем и контингентности познания, открывая перспективы ее применения в исследовании социальных и коммуникационных процессов, особенно в условиях возрастающей сложности современных обществ.

Если взглянуть на достаточно короткое оглавление сборника «*Veobachter. Konvergenz der Erkenntnistheorien*», то название работы Лумана — «*Sthenographie*» — сразу заставит недоуменно нахмуриться. Во-первых, придирчивый взгляд может предположить, что в слово вкралась орфографическая ошибка. Но и тогда, во-вторых, при чем тут способ записи устной речи?

Предвидя это, Н. Луман с первых строк заявляет: «Заранее объяснимся — здесь нет опечатки. Речь пойдет вовсе не о стенографии» [Luhmann 2003: 119]. В самом начале немецкий ученый ставит вопрос о наблюдателе (которым может выступать социальная система или психическая, т. е. человек), подчеркивая парадоксальность любого наблюдательного акта. При этом парадоксальность предстает как феномен, из-за которого логика (из-за своей собственной ограниченности или в силу самопротиворечий) может «впадать в ступор». Это логическое оцепенение Н. Луман аллегорически описывает в виде способности трех сестер-Горгон (Медуза, Эвриала и *Сфено*) взглядом превращать любого смертного в камень, а способность подобные парадоксы отыскивать и описывать — *сфенографией*. Философ, занятый поиском таких парадоксов, предстает в образе Персея — героя, победившего Горгону и держащего голову монстра, как щит. Исследователь не избегает парадоксов, а, напротив, жаждет отыскать их; то, что на первый взгляд кажется закрытой дверью в концептуальных схемах логики, впоследствии может стать ключом к новым идеям.

Тем не менее, помимо специфического языка Лумана, следует прояснить: что именно представляет собой парадокс в данном случае и в чем заключается парадоксальность любого акта наблюдения? С точки зрения автора «*Sthenographie*», парадоксы — это «формулировки, которые ничего не говорят, потому что им ничего не соответствует» [Ibid.: 119-120]. Именно благодаря парадоксам логика как форма различения реалий мира способна очерчивать собственные границы, считает социолог. Тут уместно вспомнить классику кантовских антиномий, иллюстрирующих собой подобную проблематику.

Н. Луман исходит из того, что любое наблюдение требует различения (*Unterscheidung*), то есть автоматически деления мира на «наблюдаемое» и «ненаблюдаемое». Однако различение само по себе парадоксально: наблюдатель не может одновременно наблюдать что-то и себя самого в процессе наблюдения этого «чего-то». В этом смысле никакое наблюдение не может быть всеохватывающим. Всегда что-то да упущено.

Проблема усложняется, если мы начинаем наблюдать наблюдателя — возникает необходимость распознать, как сам наблюдатель невольно избегает, скрывает или трансформирует парадоксы в процессе наблюдения. В таком контексте парадокс является не просто логическим затруднением, но также фундаментальной частью любого процесса познания. Эта динамика и есть основа парадоксальности наблюдения: парадоксы могут быть осознаны только на уровне второго порядка, где видны ограничения и условия наблюдения первого порядка. Таким образом, парадоксальность в системе Лумана проявляется через неизбежную недостаточность любого наблюдения, которое ограничено собственными различиями, но не может их полностью осознать и учесть.

Вместе с тем, по мнению социолога, познание неизбежно наталкивается на парадоксы, так как оно изначально стоит на самом факте различия. Эффекты подобных парадоксальностей мы можем обнаружить в самых разнообразных сферах научного знания. Мысленный эксперимент Шредингера, принцип неопределенности Гейзенберга, эксперимент Уилера, Хоторнский эффект, парадокс Рассела — примеров может быть множество. Но и само различие как процесс также парадоксально. С неизбежностью возникают вопросы о первопричинах различия, его пределах и объективности, о самой возможности различать что-либо, но мы снова и снова объясняем одни различия через другие, одни слова через другие слова, впадаем в дурную бесконечность дескрипции. Даже сами вопросы мы ставим так, как диктует нам само различие. Попытка развязать узел парадоксов усилиями логики, в которой данные парадоксы были обнаружены, заведомо обречены на провал (вспомним Курта Геделя и его теорему о неполноте).

187

Из этого следует, что необходимы наблюдения и различия совершенно другого порядка, чтобы преодолевать парадоксы. Следствием подобных «преодолений», с точки зрения Лумана, является философия. Философия — это «осадок когнитивной сложности», возникающий в результате преодоления парадоксов через различные дистинкции, формирующие многослойные системы мышления [Ibid.: 122]. Как мы уже обозначили выше, Луман рассматривает парадоксы как проблемные конструкции, которые стимулируют развитие знаний. Теории, такие как конструктивистская эпистемология, предлагают альтернативные пути решения парадоксов через переосмысление различий. Депарадоксализация (Луман, следуя своим аллегорическим принципам, называет ее «эвриалистикой» [Ibid.: 214]) — это процесс, при котором система решает свои внутренние парадоксы, создавая новые формы и различия, что способствует ее дальнейшему функционированию.

Стоит также отметить, что важной частью системной теории Лумана, опираясь на которую он и написал свою работу о парадоксах,

является идея самореферентных (аутопойетических) систем. Системы сами определяют свои границы и различия между собой и средой. Это ключевой момент, поскольку социологическая традиция (да и не только социологическая) часто опиралась на внешнего наблюдателя для определения границ системы, но Луман утверждает, что системы сами устанавливают и поддерживают свои различия. Среды, по его мнению, не могут действовать или проводить различия; все операции происходят внутри системы, причем как социальной системы, которая состоит целиком из коммуникаций, так и психических, когнитивных систем, состоящих исключительно из мыслей¹. Своеобразным предтечей такого взгляда на мир является Марк Аврелий: «Вещи сами по себе ничуть даже не затрагивают души, нет им входа в душу и не могут они поворачивать душу или приводить ее в движение, а поворачивает и в движение приводит только она себя самое, и какие суждения найдет достойными себя, таковы для нее и будут существующие вещи» [Аврелий 1985: 27].

188

Как бы то ни было, но, по мнению немецкого социолога, единство системы и ее окружения может быть увидено только через различие их самих. Это приводит Лумана к фундаментальному выводу: единство системы не может быть найдено ни в самой системе, ни в ее среде — оно существует лишь в операциях наблюдателя, который постулирует границы системы. Система сама определяет свое различие от среды, а ее границы видимы только для нее самой, сами конструируются ею, а другие системы могут наблюдать это единство лишь через свои собственные различия и операции. «Так что, возможно, проблема может быть распределена между большинством наблюдателей, объединенных в сеть», — делает вывод ученый [Luhmann 2003: 123].

Таким образом, теория систем Лумана, включая аутопойетические системы и кибернетику второго порядка, решает свои внутренние парадоксы через саморазличение. Это создает связность, которая становится основным свойством системы. Важно, что немецкий социолог акцентирует внимание на точности определения аутопойетических операций, исключая антропологические предположения и делая упор на события, а не на фиксированные элементы. Различие между сознательными и коммуникативными операциями требует точности теоретических формулировок и использова-

1 Здесь необходимо сделать важную оговорку: с точки зрения Лумана, общество не состоит из людей, оно состоит только из коммуникаций. В самом общем смысле истолковать это можно на примере сети Интернет и множества компьютеров, которые связаны этой сетью; интернет в строгом смысле не состоит из компьютеров, но последние имеют возможность подключения к нему.

ния парадоксов как объяснительного инструмента для системных процессов.

Концептуальные достижения, которые мы можем обнаружить в работе «Sthenographie», акцентируют внимание на эпистемологических границах наблюдения и организации познавательных процессов в условиях высокой сложности и неопределенности. Эта методологическая рамка приобретает особую актуальность в российском контексте, где современные социальные исследования сталкиваются с кризисом фрагментации знаний и возрастающей потребностью в междисциплинарном взаимодействии [см.: Пружинин и др. 2024: 74–98]. «Сфенография» и «эвриалистика» представляют собой инструментарий для анализа социальных систем как коммуникационных структур, сосредотачиваясь на их внутренней логике различений и динамике взаимодействий.

Современная социология оказывается перед необходимостью радикального переосмысления границ социального в условиях стремительного развития технологий и биологических наук, которые требуют учета новых форм взаимодействия человека и технических систем. Усиление влияния визуальной культуры и медийных практик трансформирует исследовательские подходы к изучению социальной реальности. Одновременно глобальные вызовы, такие как климатический кризис и поляризация общественных дебатов, подчеркивают значимость интегративных и адаптивных методов анализа. Однако методологические трудности, связанные с объективным исследованием социальных проблем, сохраняются: конструктивистский характер многих из них обусловлен их тесной связью с нормативными структурами и общественными ценностями. Это требует переосмысления социологии как науки, способной не только объяснять социальные изменения, но и активно участвовать в их проектировании.

Никлас Луман является непростым автором, чьи работы требуют готовности читателя к интегративному мышлению, позволяющему связывать разрозненные концептуальные структуры в единую динамическую систему. Тексты «философствующего социолога» Лумана отличаются нелинейностью, смысловой насыщенностью и многогранностью, что делает их восприятие интеллектуальным испытанием: плотность концептуальных элементов на одно предложение часто превышает привычные рамки аналитического восприятия. Однако это придает идеям и интуициям, которыми делится с читателем Луман, особую глубину, делает его работы поистине уникальными: ученый заставляет читателя быть не просто пассивным потребителем знаний, а активным соучастником интеллектуального процесса, вынуждая возвращаться к прочитанному, переосмысливать и искать новые связи. Его тексты требуют от нас

дисциплины и внимания, но именно в этом напряжении и кроется их подлинная ценность — они открывают перед нами сложную структуру современного общества, которую можно постичь лишь через этот многослойный, нелинейный подход.

Библиография / References

Марк Аврелий (1985) *Размышления*, М.: Наука. 330 с.

— Marcus Aurelius (1985) *Reflections*, M.: Nauka Publishing House. 330 p. — in Russ.

Ницше Ф. (2011) Человеческое, слишком человеческое. *Собр. соч. в 13 томах*. М.: Культурная революция. Т. 2. 672 с.

— Nietzsche F. (2011). Human, all too human. *Collected Works, in 13 volumes*. M.: Cultural Revolution. Vol. 2. 672 p. — in Russ.

Пружинин Б. И., Антоновский А. Ю., Голубев И. С., Левицкий В. С., Момджян К. Х., Погожина Н. Н., Подвойский Д. Г., Цуркан Е. Г., Щедрина Т. Г. (2024) Социальная философия и наука: каузальности, закономерности и инварианты общественного развития (материалы круглого стола). *Вопросы философии*, 11: 74–98.

— Pruzhinin B. I., Antonovsky A. Yu., Golubev I. S., Levitsky V. S., Momdzhyan K. Kh., Pogozhina N. N., Podvoysky D. G., Tsurkan E. G., Shedrina T. G. (2024) Social philosophy and science: causality, regularities, and invariants of societal development (roundtable materials). *Voprosy Filosofii*, 11: 74–98. — in Russ.

Уайльд О. (2015). *Портрет Дориана Грея*, М.: Азбука. 320 с.

— Wilde O. (2015). *The Portrait of Dorian Gray*, M.: Azbuka. 320 p. — in Russ.

Luhmann N. (2003). Sthenographie. In N. Luhmann, H. Maturana, M. Namiki, V. Redder, & F. Varela (Eds.), *Beobachter. Konvergenz der Erkenntnistheorien?* (pp. 119-139). Munich: Wilhelm Fink Verlag.

Сапан Илья Евгеньевич — соискатель кафедры социальной философии и философии истории философского факультета, МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия. Научные интересы: политическая философия, социальная философия, системно-коммуникативная теория, политический активизм, социальные системы, социальный конструктивизм.

ORCID: 0000-0002-8300-1679. E-mail: isapan1994@gmail.com

Ilia E. Sapan — PhD Student at the Department of Social Philosophy and Philosophy of History, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. Research interests: political philosophy, social philosophy, systemic-communicative theory, political activism, social systems, social constructivism.

ORCID: 0000-0002-8300-1679. E-mail: isapan1994@gmail.com